

Письма къ читателямъ.

Для *двуимѣрныхъ существъ* имѣется ужасный „половой вопросъ“; для *людей* существуетъ вопросъ о любви.

Tertium Organum П. Успенскаго.

Много говорятъ въ наше время объ *обезцѣненіи* жизни. Что это значить? Это значить, что содержаніе жизни могло бы быть драгоценно, но какія-то условія понизили высокую цѣнность жизни и сдѣлали ее не интересной, не привлекательной, до полного равнодушія къ ней, до желанія уйти изъ нея. Отсюда—пугающая всѣхъ эпидемія самоубійствъ. Среди другихъ причинъ, которыхъ я сейчасъ касаться не буду, обезцѣненье жизни произошло оттого, что сознаніе истекшаго вѣка пріучило насъ разсматривать жизнь только въ одномъ ея физическомъ разрѣзѣ. И привычка эта провела такія глубокія борозды въ сознаніи современныхъ интеллигентныхъ людей, что они разучились понимать жизнь во всей ея сложной полнотѣ.

Кромѣ физическаго разрѣза, правда—наиболѣе виднаго и понятнаго для средняго ума—въ жизни есть еще большія глубины и большія высоты, которыя матерьялистическое міропониманіе совсѣмъ не беретъ въ расчетъ. Всѣ проблески сверхфизическаго сознанія оно или обзываетъ „мистикой“, или стремится свести въ область патологіи, и съ гордостью заявляетъ, что признаетъ только однѣ точно измѣримыя величины. Но гордиться тутъ нечѣмъ. Наоборотъ. Благодаря тому, что вниманіе людей такъ долго фиксировалось на одномъ низшемъ планѣ жизни, современное сознаніе закрылось для высшаго смысла жизни и стало до того упрощеннымъ и плоскимъ, что въ тонко чувствующихъ людяхъ вызвало тоску и даже отвращеніе отъ самой жизни. Въ зависимости отъ этой плоскости сознанія и произошло то пониженіе всего уровня челоуѣческаго творчества, которое мы такъ тяжело переживаемъ во всемъ: и въ общественной дѣятельности, и въ литературѣ и искусствѣ, и больше всего—такъ какъ это вѣнецъ челоуѣческой психики—больше всего въ любви. Я говорю о любви въ широкомъ смыслѣ, во всѣхъ

ея видахъ и проявленіяхъ, но сегодня мнѣ хочется остановиться на любви между полами.

Послѣдовательный матерьялистъ не признаетъ въ основѣ міроваго порядка иного начала, кромѣ механическаго, слѣдовательно и вся человѣческая этика для него—только естественный продуктъ постепеннаго развитія; отсюда неизбѣжно и то упрощенное, сведенное къ одной физической плоскости отношеніе къ половой любви, которое я считаю одной изъ косвенныхъ причинъ растущей между молодежью эпидеміи самоубійствъ.

Если жизнь Вселенной не руководится нравственнымъ началомъ, тогда—дѣйствительно—*все* позволено, позволенъ и развратъ. И мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ самое прекрасное и яркое изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, жажда отдать себя, свои силы и свою нѣжность любимому существу, превращается въ „половой вопросъ“, поэзія жизни претворяется въ физиологическую проблему.

Въ одной изъ статей Владиміра Соловьева есть интересное опредѣленіе любви; я не могу привести подлинныхъ выраженій, но вѣроятно не ошибусь въ смыслъ его толкованія. Онъ говоритъ, что одиночество человѣка, его обособленіе отъ остальнаго міра—временное. Въ цѣляхъ *самопознанія* и *самоопредѣленія*, прибавлю я отъ себя.

Оно сохраняется его эгоизмомъ, его яркимъ чувствомъ своей центральности по отношенію всего, что *не* я, которое строить плотную стѣну между нимъ и остальнымъ міромъ. Разрушить эту стѣну трудно. Нужна большая сила, чтобы пробить въ ней брешь. Эту большую силу, этотъ большой огонь, сжигающій оплотъ, которымъ наше я отгородилось отъ остального міра, мы имѣемъ въ любви между женщиной и женщиной. Кто любилъ истинной любовью, тотъ знаетъ какое глубокое измѣненіе совершается въ самыхъ нѣдрахъ человѣческаго сердца, когда его одиночество кончается и въ него могучей животворящей волной вливается иная жизнь; какимъ свѣтлымъ расширеніемъ раздвигаются замкнутыя до того границы сердца, съ какой тонкой отзывчивостью дрожатъ всѣ его струны, какъ расцвѣтаютъ всѣ лучшія силы человѣка, до тѣхъ поръ для него самого невѣдомыя. Кто любилъ, тотъ пережилъ этотъ великій опытъ, и для того звучать не какъ пустыя слова утвержденія знающихъ, что уничтоженіе эгоизма и сліяніе съ жизнью міра влечетъ за собой великое просвѣтленіе и великое счастье для человѣческаго сердца. Этотъ опытъ и есть та сверхфизическая, потусторонняя сторона любви, которая неуловима для трехмѣрнаго сознанія; для него уловима только физиологическая сторона любви, но вѣдь это—только одинъ разрѣзъ огромнаго явленія. За этимъ разрѣзомъ цѣлый міръ чувствъ, тончайшихъ переживаній, чистѣйшихъ радостей, глубокихъ

душевныхъ вдохновеній, свѣтлыхъ прозрѣній въ высшіе міры. То, что мы смутно называемъ небомъ, раемъ, есть ни что иное, какъ сліяніе обособленной жизни съ безграничной жизнью міра, сліяніе ограниченнаго сознанія съ безграничнымъ Сознаніемъ Бога или Великаго Цѣлаго. Человѣческая любовь есть слагаемое изъ этого сліянія черезъ любимое существо съ Великимъ Цѣлымъ и изъ плотской страсти. Ни въ чемъ такъ ярко не проявляется сложность человѣческаго существа, два борящіяся полюса его природы, какъ въ человѣческой любви. И ни въ чемъ такъ ясно не сказывается скрытая цѣль этой сложности: *животное облагородить до человѣчности, человѣческое преобразить въ божественное.*

Всѣ наблюдавшіе за драмой человѣческой души на различныхъ ступеняхъ развитія знаютъ, что чѣмъ выше поднимается человѣкъ, тѣмъ блѣднѣе становится его низшій полюсъ и тѣмъ ярче и прекраснѣе разгорается высшее божественное начало его сокровенной сути. Только во времена паденія и одичанія нравовъ возможно такъ подчеркивать и такъ цинично выставлять на видъ низшій животный полюсъ, какъ это дѣлается въ наше время. Но наши высшія начала, человѣко-божескія, не выносятъ этого, отсюда—отвращеніе, тоска, потеря самоуваженія и обезцѣненіе жизни. Мы потеряли стихійную невинность животнаго и потому не можемъ безнаказанно спускаться до его уровня.

Моралисты выдвигаютъ какъ единственную цѣль и оправданіе любви продолженіе человѣческаго рода, но это далеко не обнимаетъ всѣхъ явленій любви. Есть нѣчто иное, совершающееся не на физическомъ планѣ, что составляетъ драгоцѣннѣйшую сторону человѣческой любви: это—тотъ внутренній духовный обмѣнъ, который совершается на высшихъ планахъ между любящими другъ друга мужчиной и женщиной. По этому поводу есть очень интересная страница въ новой книгѣ молодого писателя Успенскаго, *Tertium Organum*; книгу эту можно вообще рекомендовать какъ чрезвычайно оригинальную и интересную попытку перевести на языкъ нашихъ обыкновенныхъ понятій высшее сознаніе человѣка. Онъ говоритъ:

„Искусство идетъ дальше обыкновеннаго человѣческаго зрѣнія, и поэтому есть стороны жизни, о которыхъ можетъ и имѣетъ право говорить только искусство. Таковъ вопросъ о любви. Только искусство умѣетъ подходить къ любви, только искусство умѣетъ говорить о ней.

„Любовь всегда была и есть главная тема искусства. И это вполне понятно. Здѣсь сходятся всѣ нити человѣческой жизни, всѣ эмоціи; черезъ любовь человѣкъ соприкасается съ будущимъ, съ вѣчностью, съ расой, къ которой онъ принадлежитъ, со всѣмъ прошлымъ человѣчества и со всей его грядущей судьбой.—Въ соприкосновеніи половъ,

въ ихъ влеченіи другъ къ другу, лежитъ великая тайна жизни, *тайна творчества*. Отношеніе *скрытой* стороны жизни къ *явной*, т. е. проявленіе *реальной* жизни въ нашей *кажущейся*, особенно ярко вырисовывается въ этой вѣчно трактуемой, вѣчно разбираемой и обсуждаемой—и вѣчно непонимаемой области, въ отношеніяхъ половъ. Обыкновенно отношенія мужчинъ и женщинъ разсматриваютъ, какъ необходимость, вытекающую изъ необходимости продолженія человѣческаго рода на землѣ. Рожденіе—вотъ *raison d'être* любви съ религіозной, моральной и научной точки зрѣнія. Но въ дѣйствительности творчество заключается не въ одномъ только продолженіи жизни, а прежде всего и больше всего въ *творчество идей*. Любовь является огромной силой, производящей идеи, будящей творческую способность человѣка.

„Когда сольются двѣ силы, заключающіяся въ любви—сила жизни и сила идеи—человѣчество *сознательно* пойдетъ „къ своимъ высшимъ судьбамъ“. Пока только искусство чувствуетъ это.

„Все, что говорится о любви „реалистически“, всегда грубо и плоско.

„Ни въ чемъ такъ рѣзко не проявляется различіе глубокаго „оккультнаго“ пониманія жизни и поверхностнаго „позитивнаго“, какъ въ вопросѣ о любви“.

Далѣе авторъ Tertium Organum говоритъ, что для оккультнаго пониманія, любовь есть именно то, чѣмъ она рисуется искусству, т. е. *психологическое явленіе*, въ которомъ приходятъ въ дѣйствіе и звучать всѣ самыя тонкія струны души, въ которомъ, какъ въ фокусъ собираются и проявляются всѣ высшія силы человѣческой природы. Это ихъ испытаніе, ихъ экзамень и орудіе ихъ эволюціи. Въ то же время, именно *этой* стороной жизни человѣкъ соприкасается съ чѣмъ-то *большимъ*, часть чего онъ составляетъ.

Для двумѣрныхъ существъ, живущихъ на плоскости и движущихся по двумъ направленіямъ—*производства и потребленія*, существуетъ ужасный „половой вопросъ“.

„Для *людей* существуетъ вопросъ о любви.

„Любовь—это индивидуализированное чувство, направленное на опредѣленный объектъ, на *одну* женщину или на *одного* мужчину. Другая или другой не могутъ замѣнить любимаго.

„Половое чувство“—это не индивидуализированное чувство, тутъ годится всякій болѣе или менѣе подходящій мужчина, всякая болѣе или менѣе молодая женщина.

„Любовь—орудіе *познанія*, она сблизаетъ людей, открываетъ передъ однимъ человѣкомъ душу другого, даетъ возможность заглянуть въ душу природы, почувствовать дѣйствіе космическихъ силъ.

„Любовь—это признакъ *породы*...

„Это—орудіе совершенствованія расы. Когда изъ поколѣнія въ поколѣнія люди *любятъ*, т. е. ищутъ красоты, чувства, взаимности, то они вырабатываютъ типъ, ищущій любви и *способный* на *любовь*, типъ эволюционирующій, восходящій. Когда изъ поколѣнія въ поколѣніе люди сходятся, какъ попало, безъ любви, безъ красоты, безъ чувства, безъ взаимности—или по соображеніямъ, *постороннимъ любви*, изъ расчета, изъ экономическихъ выгодъ, въ интересахъ „дѣла“ или „хозяйства“, то они теряютъ инстинктъ любви, инстинктъ отбора. Въмѣсто „любви“ у нихъ вырабатывается „половое чувство“, безразличное и не служащее отбору, не только не сохраняющее и не улучшающее породу, но наоборотъ, теряющее ее. Типъ мельчаетъ, физически и нравственно вырождается.

„Любовь—орудіе *отбора*.

„Половое чувство—орудіе *вырожденія*“.

Разбирая далѣе отношеніе современнаго сознанія къ вопросу о любви, Успенскій указываетъ, что наука, для которой единственная цѣль любви—продолженіе рода человѣческаго, не объясняетъ почему въ человѣчество вложена сила, влекущая два пола другъ къ другу *въ безконечно большемъ размѣрѣ, чѣмъ это нужно*. „Для цѣлей продолженія рода утилизируется только одна малая дробь той силы любви, которая вложена въ человѣчество. Куда же идетъ главное количество силы? Мы знаемъ, что ничто не исчезаетъ. Если энергія *есть*—она должна во что-нибудь *перейти*“. „Въ творчество *по вѣсьмъ направленіямъ*“ отвѣчаетъ авторъ; онъ утверждаетъ, что *всякое идейное творчество* является результатомъ энергіи, возникающей изъ эмоцій любви. Исторія подтверждаетъ этотъ смѣлый выводъ. Мы знаемъ, что въ эпохи наибольшаго расцвѣта искусства и наивысшаго художественнаго творчества то, что можно назвать побочной силой любви т. е. тотъ огромный избытокъ силы, влекущей два пола другъ къ другу, на который указываетъ цитируемый авторъ, выражался всегда въ такой полной гаммѣ высокихъ эмоцій, волненій, новыхъ идей и смѣлыхъ грезъ, которая и служила вдохновеніемъ для человѣческаго творчества.

И наоборотъ, въ эпохи паденія нравовъ, когда эмоціи любви понижаются, а съ ними вмѣстѣ понижается темпъ жизни и ея привлекательность, родникъ духовнаго творчества высыхаетъ, искусство мельчаетъ, литература вырождается. Всѣ эти признаки на-лицо въ наше время. Ихъ приписываютъ внѣшнимъ причинамъ. Но это—не вѣрно. Въ свободной и сытой Австраліи замѣчаются тѣ же явленія.

Здѣсь мы опять подходимъ къ коренному вопросу міросозерцанія: Матерьялизмъ или Идеализмъ?

Преимущество Матерьялизма—*точность* познанія. Но еще большою вопросъ: покрываютъ ли собою положительныя стороны этой точности стороны отрицательныя?

Мнѣ скажутъ: но вѣдь результатъ этой точности вся великолѣпная культура 19-го и 20-го вѣка. Но культура должна строиться не для великолѣпія, а для *счастья* людей. А кто рѣшится утверждать, что она принесла людямъ счастье?

Пропуская наше сознание черезъ узкую щель однихъ матерьяльныхъ интересовъ, позитивизмъ сдѣлалъ его дѣйствительно очень отчетливымъ; но въ то же время онъ закрылъ отъ насъ весь великій міровой просторъ, изъ котораго человѣческая душа черпаетъ свои вдохновенія, а безъ вдохновенія она можетъ только умирать, а не жить.

Мало того, сдѣлавъ наше сознание столь ограниченно отчетливымъ, позитивизмъ сдѣлалъ его въ то же время *невѣрнымъ*: когда смотришь на міровыя событія сквозь щель, теряешь всѣ вѣрные размѣры и всѣ соотношенія, вниманіе невольно устремляется на тотъ крошечный отрѣзъ, въ которомъ самъ человѣкъ, его собственное *я*, его личныя эмоціи и вкусы являются центромъ міра; эгоизмъ разрастается неизбѣжно, всѣ личныя переживанія получаютъ болѣзненную остроту и преувеличенное значеніе, самолюбіе и личная чувствительность приобрѣтаютъ колоссальныя размѣры, а воспримчивость къ тому, что переживаютъ другіе, атрофируется. Благодаря этому, между человѣкомъ и его окружающими обрываются живыя нити взаимной симпатіи и довѣрія, исчезаетъ вѣрное пониманіе другой души, возникаетъ пессимизмъ, нравственное одиночество.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ настроеніемъ вырожденія—къ сожалѣнію широко распространеннымъ среди нашей молодежи,—является *развитіе и укрѣпленіе эмоцій любви*.

Необходимо провести черезъ сознательную тонкую культуру всѣ свои отношенія къ ближнимъ, къ членамъ своей семьи, къ товарищамъ, знакомымъ, и—можетъ быть—болѣе всего къ своей возлюбленной. Въ любви мужчины къ женщинамъ и женщины къ мужчинамъ какъ въ сильномъ свѣтовомъ фокусѣ сходятся *всѣ* эмоціи любви. Въ лучахъ этого свѣта человѣкъ временно преображается: онъ дѣлается красивѣе, смѣлѣе, глубже, благороднѣе, подъ ихъ животворнымъ вліяніемъ проясняется его пониманіе, углубляется его сочувствіе. Такое расцвѣтаніе и хорошеніе неизбѣжно у человѣка влюбленнаго; но оно вспыхиваетъ на короткое время и быстро угасаетъ, потому что любить постоянно *совершенною любовью*—мы еще не въ состояніи.—Отчего влюбленный человѣкъ хорошеетъ? Потому что черезъ него начинается просвѣчивать тотъ свѣтъ Божественной Любви, въ которомъ и источникъ, и тайна всякой красоты, земной и небесной.

Тотъ же свѣтъ свѣтитъ въ праведникахъ и святыхъ, только въ нихъ онъ горитъ ярче и не погасаетъ, какъ у людей несовершенныхъ.— Вспомнимъ Франциска Ассизскаго, Іоанна Дамаскина, о. Зосиму Достоевскаго. Художники, видящіе дальше другихъ, изображаютъ ихъ свѣтлыми, любовно раскрытыми для всѣхъ и для вся. Святые—тѣ же влюбленные, только они влюблены въ Бога и въ красоту его Творчества. Это—лишь разныя ступени любви, и чѣмъ любовь выше и безкорыстнѣе, тѣмъ продолжительнѣе и полнѣе счастье любящаго. Не даромъ создалось прозвище „блаженный“. Душа народа, творящая языкъ, угадываетъ великія тайны и намекаетъ на нихъ въ аналогіяхъ.—Этой преемственности человѣческой любви отъ высочайшаго Источника жизни моралисты совсѣмъ не улавливаютъ. Смѣшивая животное влеченье съ человѣческой любовью, они клеветуютъ на человѣка: какъ только онъ поднялся надъ животнымъ состояніемъ, онъ уже *не можетъ* грѣшить противъ закона своей души безъ стыда и безъ тяжелаго недовольства собой.

И въ этомъ смѣшеніи повинны не только узкіе моралисты или морализирующіе аскеты, но и такіе свѣтлые умы, какъ нашъ Л. Н. Толстой. Когда онъ прикасается къ этому вопросу въ своихъ романахъ и статьяхъ, *) онъ повторяетъ такую же клевету на человѣка.

Онъ раздѣляетъ *нераздѣлимое*, беретъ одну физиологическую сторону любви, наводитъ на нее электрической свѣтъ своего огромнаго таланта, а весь невидимый огонь любви, все ея огромное психологическое содержаніе, весь трепетъ повышеннаго темпа жизни, всю гамму человѣческихъ эмоцій, отъ пламеннаго горѣнія до свѣтлыхъ слезъ восторга, всю вдохновляющую и героическую силу любви, куда отводитъ онъ все это?—Не удивительно, что ему кажется „гадкимъ“ это искаженное, искусственно созданное представленіе о любви.

Закончу словами автора той же книги *Tertium Organum*: „Огонь любви, въ которомъ сгораетъ человѣчество, это —огонь жизни, огонь вѣчнаго обновленія. Моралисты съ удовольствіемъ загасили бы этотъ огонь, съ которымъ они не знаютъ что дѣлать и котораго боятся, чувствуя его силу и власть. И они дуютъ на него, не понимая, что это—начало всего... Если рожденіе идей есть свѣтъ, идущій отъ любви, то этотъ свѣтъ идетъ отъ *большаго огня*. И въ этомъ непрестанномъ огнѣ, въ которомъ горитъ все человѣчество, вырабатываются и уточняются всѣ силы человѣческаго духа и генія“.

Другъ читателя.

*) „Крейцерова соната“, „Половая похоть“.